

М 64

ВЫПУСК I.

Библиотека О-ва изучения Тверского края.

Д 891.7 Е. А. Мирошина.
М-64

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

ТВЕРИТИНА

Афанасия Никитина

(1466—1472 г. г.).

ТВЕРЬ.

Типография Тверского Губсоюза.
1922.

К. В. М. И.
проверено
1984 г. ма
ВЫПУСК I.

Библиотека О-ва изучения Тверского края.

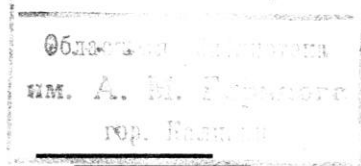
Е. А. Мирожина.

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

— ТВЕРИТИНА —

Афанасия Никитина

(1466—1472 г. г.).

949226

Т В Е Р Ь.

Типография Тверского Губсоюза.

1922.

ОТ СОВЕТА ОБЩЕСТВА.

5 ноября текущего 1922 г. (ст. ст.) исполнится 450 лет со дня возвращения из далекого и трудного путешествия в Индию нашего славного соотечественника—тверского купца Афанасия Никитина, оставившего весьма ценные записки обо всем, виденном им в восточных странах.

Желая дать возможность широким читательским кругам познакомиться с оставленными Афанасием Никитиным записками, Совет Общества изучения Тверского Края решил напечатать отдельной книжкой работу члена Общества—Е. А. Мирожиной, которая сделала доклад о «Хождении» в Историко-культурной секции Общества, а затем подготовила его и для печати.

Считая выдающимся фактом совершенное в трудных условиях путешествие Афанасия Никитина, а оставленные им записки—содержащим большую ценность историческим документом и в то же время высоко ставя личность талантливого и предприимчивого соотечественника, собрание Историко-Культурной секции Общества постановило ознаменовать память Афанасия Никитина сооружением ему в Твери памятника и изданием «Хождения» в популярном изложении.

Издание Обществом настоящей брошюры является осуществлением одной части высказанного пожелания, что же касается постановки памятника, то при широкой общественной поддержке со временем можно было бы осуществить и это пожелание.

Совет Общества изучения Тверского края.

„Хождение за три моря тверитина Афанасия Никитина“.

„Тверь та старая, Тверь та богатая...“—пелось в одной старинной песне.

Богатую Тверь была в XIV и XV веках. В это время она была стольным городом самостоятельного Тверского княжества. В тверском кремле у устья р. Тьмаки, окруженном рвом, высоким валом и деревянной стеной, возвышался каменный собор в честь Преображения, украшенный семью золочеными главами—«Спас Златоверхий». В кремле же находились и палаты великокняжеские и архиерейские, а в загородном посаде, отделенном от кремля рвом из Волги в Тьмаку,—дома и земли людей торговых, посадских и слободы крестьян.

Положение г. Твери на судоходной р. Волге при впадении в нее р. Тверцы, тоже в то время судоходной, способствовало развитию торговли в Твери и росту тверского богатства. «Некоторые иностранцы говорили о Твери как о городе более просторном и более великолепном, чем Москва¹⁾. Тверские купцы были в почете за границей и дома; так, напр., один из них, Василий Папин, был назначен главой русского посольства в Персию от великого князя московского Ивана III-го.

Летом 1466 г. это посольство отправилось из Твери Волгою до Каспия и далее в Персию; с ним отправилось несколько тверских купцов поторговать в Персидской земле. Среди них и был тверской купец Афанасий Никитин. Посольство разместилось на четырех судах, одно из которых принадлежало Афанасию Никитину. Василий Папин отъехал раньше и должен был ждать путников у Нижнего Новгорода, там же должны были присоединиться и „тезики“—бухарские купцы—и члены персидского посольства, возвращавшегося в то время домой от московского князя

¹⁾ В. И. Колосов: „Прошлое и настоящее г. Твери“ 124 стр.

Ивана. Все, что случилось с русским посольством на Волге и в Каспии, дальнейшая судьба его и путешествие самого Афанасия Никитина в Персию и Индию — все это записано самим Никитиным и дошло до нас в летописи «Софийского Временника» (и других). Это—«Хождение за три моря Афанасия Никитина сына»—так оглавлены записки самим автором. Читаются они с величайшим интересом, с одной стороны благодаря не совсем обычному своему содержанию—рассказ очевидца-тверяка о старой Индии—и с другой—благодаря особенности и своеобразной красоте древне-русской речи. Чтобы уяснить себе все значение этого литературного памятника XV в, судить о его достоинствах и понять личность его автора,—надо познакомиться с ним.

Вот что пишет Афанасий Никитин.

«За молитву святых отец наших, Господи... помилуй мя, раба своего грешного Афанасия Никитина сына. Се написах грешное свое хождение за три моря...»¹⁾ В своем хождении Афанасий переплыл три моря: Каспийское, Аравийское и Черное. „...Поидох от Спаса Златоверхого да от тверского епископа Геннадия да от великого князя Михаила Борисовича... поидох на низ Волгою (331). От князя Михаила Никитин получил грамоту—разрешение на поездку в Персию. В городе Колязине посольство сделало остановку: благочестивые русские люди помолились в монастыре святого Макария. В Костроме опять пришлось остановиться чтобы взять пропуск за-границу,—скоро кончались русские владения.

В Нижнем-Новгороде, последнем крупном городе на русской земле, остановились ждать Василия Папина, но не дождавшись поплыли без него. Присоединился здесь персидский посол со своими «тезиками» и подарками от князя московского «...А ждал посла, а ехал с кречеты от великого князя Ивана, а кречетов у него девяносто». (331)

Всю Волгу проехали благополучно, а на низовьях ждало несчастье. Лишь только подехали к „Бузан-реке“—рукав Волги—подплыли к ним татары, предостерегли об опасности. «...Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысячи войска...» (331) Предупредительных татар поблагодарили подарками: „...по однорядке взяли“—попроси-

¹⁾ „Софийская Летопись“, стр. 330. В дальнейшем в тексте будут в скобках приводиться страницы того же источника—«Софийской Летописи».

ли проводить в опасном месте. С предосторожностями поехали дальше. „...И яз свое судно покинул да полез есьми на судно на посолово...» (331) На «езу» — на рыболовной заставе, где проехать тесно и где стерегли татары, старались проехать ночью: «...светит месяц...» Вдруг проводники стали подавать на берег знаки, а оттуда кричат: „Качма, стой...“

Напали на русских, ограбили, увели меньшее судно. Остальные ускользнули, да и то не надолго: у устья Волги большее судно попало на мель, татары нагнали его, отвели, ограбили и взяли в плен русских.

В Каспийское море вышли только 2 судна. „...И пошли есьма к Дербенти двема суды, в одном Асанбег, да тезики да русаков 10, в в другом 6 москвич да 6 тверич...“ (331).

Но и тут несчастья не оставили путешественников: „поднялась фурстовина — (буря) — в море и меньшее судно ся разбило..., а большее судно пограбили кайтаки...“ (горные племена на берегах Кавказа). „...И пошли есьми големи головами за море...“ (331) Едва добрались до татарской орды Алибега, брата персидского посла, ехавшего с русскими.

К Дербенту приехал и Василий Папин: «...а пришел по здорову,» а ограбленные и обиженные обратились за помощью к Алибегу... Он послал людей к Ширваншаху, правителю за-Каспийской области, чтобы тот вознаграждал потерпевших и помог вернуться на Русь; но шах не дал ничего: „...Ано нас много...“ (332). И бедные москвичи да тверичи ограбленные и заброшенные в чужой далекой стране, оставлены были на произвол судьбы. «...И мы, заплавав, да разошлись кои куды... кто на Русь, а кто — куды его очи понесли. А иные остались в Шемахе, в Баке, а яз пошел к Дербенти». (332)

Итак, Афанасий Никитин остался один среди татар и персов. Потерявший в несчастливой дороге все имущество и товар, он не пал духом, не захотел идти на Русь с пустыми руками, а решился отправиться далее в глубь Персии и в Индию, попытать счастья (очевидно, у него осталось немного денег) и узнать новые страны: «Аз же от многия беды поидох до Индеи, заньже ми поити на Русь не с чем». (332) И вот, один среди чужих, без знания языка, он осмелился исследовать незнакомую страну, узнать, что важно в торговом отношении, где родятся драгоценности, увидеть собственными глазами алмазные горы

и ту самую сказочно-богатую Индию, о которой пелось в русских былинах. Все выдающееся, характерное для к.-л. местности Афанасий Никитин занес в свои записки.

О Персии он сообщает мало, должно быть, потому, что раньше бывал в ней, и она ему отчасти была знакома. Пошел он от города до города через все плоскогорье от южного берега Каспия до северного побережья Аравийского моря, живя по нескольку недель и месяцев в каждом городе и отмечая все, интересующее его. „...А шел из Дербента к Баке, где огонь горит неугасимый“. Проходя города: Димовант, Дирей, Ездеи,—Афанасий Никитин отмечает историческое предание об этой местности: „...А тут убили Алеевых детей, внучат Махметьевых, и он их проклял и 70 городов ся розвалило“. (332) Здесь Афанасий говорит (по предположению историка литературы Петухова) о виденной им в Рее мистерии, где изображена борьба мусульман за обладание Закаспийскими землями—во время этой борьбы убит был внук Магомета, Али, за что Магомет проклял победителей, и их страна погибла. По названиям городов, записанных Афанасием, можно проследить его путь по Персии. «В Чебокаре—(Чапокур в настоящее время)—был есьми 6 месяцев, в Саре (Сари) месяц, в Кашени месяц, в Ездеи (Ездь) месяц...» Далее идут Диес, Сырчан, Тарома: «а фуники кормят животину»—финиками кормят свиней в Тароме «...Батман четыре алтына...» (332) пол-пуда 4 алтына.

Через год добрался Афанасий Никитин к морю «Индийскому»—Аравийскому. «И тут есть пристанище. Гурмызское...»—порт Ормузд. «...А Гурмыз есть на острову, а ежедень поимает его море по дважды на день... Солнце вельми варно—человека сожжет...» (332) Поразила также тверяка роскошь местной жизни, цветущий вид города, искусственное орошение на безводном острове, а также высокая пошлина на привозные товары: „...а берут большую тамгу со всякого товару“.

Отпраздновав третью Пасху на чужбине, Афанасий Никитин отправился далее. «Из Гурмыза пошел есьми морем до Индеи... и поидох... в таву с коньми...» (332) Тава—корабль, построенный без железа. Пассажир, желая получить место на корабле, отходящем в Индию, должен был взять с собой коня, он мог его там продать; это делалось для того, чтобы развести в Индии лошадей, которых там было очень мало: „...в Индии кони ся не родят, а рождаются

волы да буйволы". (333) Поэтому индусское правительство всячески поощряло ввоз коней и освобождало торговые суда, привезших не менее 90 голов лошадей,—от пошлины на товар. Афанасий Никитин подчинился общему правилу и тоже купил жеребца, не предполагая вовсе, что эта покупка доставит ему со временем много тревог и тяжелых душевных переживаний.

Почти месяц шла тава до Индии. Отмечал Афанасий Никитин встречавшиеся города: Мошкота, Дегу, Кузьрят, побережье Канбат (Камбаят) „...Да родится в нем лек да ахык, да лон...“ (332) Кокс, сердолик, соль. Наконец подошли к месту, где корабль разгрузили. Здесь была долгая остановка для Афанасия Никитина.—г. Чауль—«Чювиль» на юго-восток от Бомбая на 23 мили. «...И тут есть Индийская страна, а люди ходят наги все, а голова не покрыта, а груди голы... а детей у них много, а мужи и жены черны все. Аз хожу куды—ино за мной людей много—дивятся белому человеку...» (332) Поражало тверяка и легкое одеяние туземцев: „...А князь ходит—фота на голове (т. е.—кусок материи)—а другая на бедрах, а княгини и бояре ходят фота на плече, а другая на бедрах...“ (333) Так же и зимой, потому что зима теплая. Незатейливо и вооружение воинов—„щит да меч“. Недолго гостил здесь Афанасий Никитин—около месяца, а затем пошел далее пешком до Пали, до Умри—„... то горы Индейския». (На юго-восток от Сурата). Через 6 дней добрался до «Чюнеря»—Джунир. „...Чюнерь-же град на острове есть на каменном, не делан ничим—Богом сотворен, а ходят на гору день по единому человеку—дорога тесна—пойти нельзя...» (333) В этой природной крепости жил хан монгольский—(монголы тогда владели почти всем Индостаном) «Асат-хан, холоп Мелик-Тучаров, а держит, сказывают, седьмь тем»—владевает над семью землями, но сам зависит от главного хана Мелик-тучара, который: «сидит на 20-ти темах, а бьется с кафары 20 лет, то его побьют, то он побивает многожды...» (333) Кафары—по определению Афанасия Никитина—«ни крестьяне, ни бессермена, молятся каменным болваном...»—язычники, чистокровное индийское племя, подчиненное монголам с XII-в.

Два месяца прожил Афанасий в Чюнейре—все искал товара на Русь, о котором ему говорили тезики, и не нашел, чем остался очень недоволен: «...мене залгали псы бессермена, а сказывали всего товару много, ан нет ничего...»

Зато насмотрелся он вдоволь на окружающую жизнь: «А сеют пшеницу да ногут (горох)—пашут на волах, на них же ездят и товар и иное что возят». «А зима стала с троицына дня ежедень и ночь вода четыре месяцы—всюду вода и грязь».

Близко видел он и придворную жизнь: „Хан ездит на людех, а слонов у него много и коней добрых много.» (333) Хан любил хороших коней—увидел он славного жеребца у Афанасия Никитина—захватил жеребца и его самого и говорит: „Стань в веру нашу в Махмет-Дени, а не станешь в веру нашу в Махмет-Дени,—и жеребца возьму и тысячу золотых на голове твоей сыщу.» (333) Дал четыре дня сроку на размышление. Смутился благочестивый тверяк: «Аз же во многия помышления впадох».—В кармане было скудно и жеребца было жаль, но и веру христианскую менять не хотелось. Наступил четвертый день. Взмолился тут Афанасий Никитин, вспомнил свой Спас Златоверхий: «Боже, не дай погыбнути!» На счастье русака приехал в то время к хану знакомый «хоросанец», иноземец-купец, заступился за пленника, и хан отдал Афанасию жеребца и денег не взял. «Таково чудо на Спасов День» заключает Афанасий Никитин: дело было под праздник Преображения.

Вообще, видно, очень стеснительно было в Чюнейре относительно религии. «О, русстий христиане! и ты, оставих веру свою да воскликнув: «Олло,-олло—керим» поиди в землю Гудустанскую». (334) И это совершенно справедливо. Известно, что многие путешественники по Индии, почти современники, Афанасия Никитина, как, например, Ди-Конти, Бартема и др. сделались ренегатами, многие миссионеры делались жертвой нетерпимости туземцев. Афанасий-же Никитин не побоялся возможных мучений и лишений и устоял в своей вере, хотя ему еще раз, несколько позднее, пришлось подвергнуться испытанию в этом отношении.

Это было в следующем на пути городе—«Бедери» (Бидар—столица монгольского царства на Индостане) «Мелик-хан много мя понуди в веру бесерменскую стати»—(340) кратко замечает Афанасий Никитин. До Бедери шел Афанасий месяц—„40 кововков”—10 верст. Много городов встречалось на пути «А промеж тех градов многи грады суть, на всяк день по три грады». (334) Можно было хорошо познакомиться с местной жизнью. «А земля людна

вельми, а все черны, а сельские люди голы вельми, а бояре сильны добре и пышны вельми.» (335) Отмечает также Афанасий особое управление в деревнях через выборных, особый платеж подати: определенная сумма с определенного количества пашни, приходящегося на одного вола с одним плугом, так называемая «арка», если же количество пашни таково, что его можно вспахать только на двух волах с одним плугом, то оно называется „ши-старка“ и т. д.

Быстро усвоив местный язык, Афанасий Никитин близко познакомился с бытом, нравами и религиозными верованиями индian: „а всего восемьдесят и четыре веры“ „веруют в Бута—то Адам и ред его весь“. (334)

Но всего более занимал нашего путешественника г. Бедерь и двор султанский. „А град есть велик, а людей много вельми...“ „...В салтанов-же двор семеры ворот, а под каждым воротами сто сторожей да 100 писцов, а кто выйдет—записывают, а гарипов (чужестранцев) не пускают“. „А в самом городе вельми чюдно: последний камень вырезан и золотом описан...“ (335) Раз или два в неделю султан выезжал на прогулку по городу с многочисленными своими женами, свитой, слонами, обезьянами. Осыпанные золотом и драгоценными камнями султан и его приближенные сидели на носилках—„на кроватях золотых“. „А на конях с ним 10 тысяч, а пеших 50 тысяч, а слонов водят двести ряженных в доспехах золоченых, а перед ними 100 человек трубников, да плясцов 100, да коней простых сто в снастях золотых да обезьян 100.“ У такого богатого князя и рать большая: „а бой все слоны, а пеших пускают вперед, а слоном вяжут к рылу меч по кентарю“—(три пуда)—чтобы отгонял нападающих. (335)

Ночью по улицам города расхаживают удивительные животные: „а мамоны ходят ночи да имают куры, а живут в горах да в каменьи“—длинные змеи „педда-подда“ 2 сажени длиной. В лесу—обезьяны, у них „царь обезьянский“, жители ловят их себе для развлечения, учат „базы миканет“—плясать. „Есть в том алянде—птица гукук, а летает ночи, а кличет ку-ку, а кто ея хочет убить—у нея изо рта огонь выйдет, а где на дом сядет—смерть будет“... (335) нечто напоминающее русское народное поверье о сове.

На праздник Шаха-Алладина была ярмарка в 12-ти верстах от Бедери. Афанасий интересовался торгом, по-

шел туда и продал своего злополучного жеребца: „А в Бедери торг на кони, да на камень, да на шелк, да купити все дешево да в нем все люди черные, да все тать, да ведь да ложь да зельи господаря морят“ записывал Афанасий наблюдения над нравами народными. Отмечал он и обычаи туземцев: „а пришел кто, или ушел—ино ся кланяют по-чернечски—руки дотычают до земли... а вино не пьют, а пьют сыту, едят кичири (морковь)—да брынец...“ (рис по толкованию Серезневского, пшено—по толк. Минаева)... «едят куры, да яйца, да рыбу, а воловины не ест никакая вера, едят правой рукой, лжицы не знают, ножа не держат... а вера с верой ни яст, ни пьет, ни женится... а когда едят—от бесермен крыются, чтобы не посмотрел в горынец» (в горшок с пищей.) (336).

Однако, несмотря на такую нетерпимость в религиозном и обрядовом отношении, Афанасий Никитин сумел снискать себе расположение туземцев, они не чуждались его и не скрывали верований своих. Видел он, как молятся кафары, падая ниц и простирая руки вперед, видел, как погребают своих покойников—«а кто у них умрет, они того жгут и пепел кладут в воду.» (337) Присутствовал даже Афанасий на великом празднике Буты в их знаменитом храме в Первоти на ю.-в. от Бедери на правом берегу р. Кистны (теперь он в развалинах). «Бутхана-же (храм) вельми велик, с пол-Твери будет камена да резаны по ней деянья Бутовы.» (336) В феврале мес. праздновалось здесь «чудо Бутово», как Бута спас охотника от диких зверей. Этот Бута, в котором индусы олицетворяли высшее божество, сходил на землю четыре раза в виде человека с лицом обезьяны или с головой слона и всегда с хвостом: «...да вырезан Бута из камени вельми велик, да хвост через плечо, да правую руку подъял высоко, как у Устина Царьградского, в левой же копье, да лицо обезьянье...» (336)

По окончании праздника в Первоти, Афанасий возвратился в Бедерь. Языческие праздники вызвали у тверяка живые воспоминания о своих христианских праздниках, и он с горечью заметил, что не может уследить точно время этих праздников и постов и что многие молитвы забыл: «А Велика Дни—Воскресения Христова—не ведаю...» (339) но это не значит, что он был готов признать чужие праздники: «А молился Богу Вседержителю, Который сотворил небо и землю, а иного не призывал есьми... На время уехал Афанасий из Бедери, посетил другие города, видел ал-

мазные горы в восточной части Индостана у г. Рачюра, между реками, Кистой и Годавери, записал стоимость алмаза: цена одного фунта—2 тысячи фунтов золота.

Сведения о дальнейших городах Индийской земли и следующих за нею дал Афанасий Никитин со слов других; это большей частью те города, которые интересны в торговом отношении: „Дабиль—кони привозят, от Дабилы до Колекота—25 дней, Колекот есть пристанище Индийского моря всего, а пройти его не дай Бог никакому кистяку (кораблю)—разбойники грабят». «От Колекота до Силяна (Цейлона)—20 дней, а Силян же есть пристанище Индийского моря не малое, а в нем Бабаадам на горе высоце» (статуя божества) «А родится в нем камень драгое да червцы (рубины), да хрусталь, да бобогурь (агат), да бинчай (смола особого дерева), да девякуши продают в вес»... (страусовые перья на золотники). «От Силяна до Шабайта (в устье Ганга) месяц, в Шабайте родится шелк, да сандал, да все дешево, да обезьяны по лесу ходят, да в нем дербыши живут, да муж дарит жене по тенке на день, коли родится у нее белое дитя...» отмечает Афанасий Никитин особенности семейного уклада дервишей, исконного индусского племени. „От Шабайта до Пегу 20 дней, от Пегу до Чина да до Мачина месяц идти—морем все то хождение“. „В Чини делают чини—(фарфор)». «А от Чина до Китая месяц сухом идти, морем четыре дня». (338)

Возвратившись в Бедерь к маю месяцу и празднуя четвертую Пасху на чужбине, не зная в точности времени этого праздника, Афанасий Никитин раздражается горестными словами, что ему приходится едва ли не с мусульманами поститься и разговляться, и тоскливо стало ему вдали от родины: „О благовернии христиане! ино кто по многим землям много плавает и веры ся да лишает христианския! Аз-же рабище божий Афанасие и сжалися по вери, уже преидоша четыре великие говейна и четере Великие Дни, аз же грешный не ведаю, что есть Велик День или что есть говейна, ни среды ни пятницы не ведаю, а книг у меня нет: егда мя пограбили“. „...И ту много плаках по вери своей. Бесерменин же тот Мелик мно-

1) Исследователи „Хождения“ не указывают где можно найти эти города: Пегу, Чини...; очевидно это на Индокитае. На сев.-зап. берегу Суматры есть г. Ачин.

го мя понуди в веру бесерменскую стати... Аз же рекох ему: „Господин, ты намар кыралесин...“ и далее идет длинная речь на местном языке русскими буквами, что значит: ты имеешь Бога своего и праздники: не мешай и другим веровать по-своему. (340). В эту четвертую Пасху вспомнил Афанасий родной обычай: смотреть как играет солнце и наблюдать небо: „на Велик День волосыни да кола в зорю вошли, а лось головою на восток стоит...“ (Плеяды, Орион и Большая Медведица) (340).

В Бедери слышно о войне: собирался грозный Меликтучар наказать непокорных кафаров. „Ино с ним двенадцать вызырей великих да с ними триста слонов наряженных в булатных доспехах, да городки кованы (балдахины на слонах) да в городках по 6 человек в доспехах да с пушками да с пищальми да верблюдов сто с нагарами (с барабанами)...“ (342) такова сила „султана бесерменского“. Но богатство и сила правителей не нравится Афанасию Никитину, он знал откуда она: наряду с роскошью и богатством он наблюдал бедность и убожество податного сословия. Не нравилась вообще ему жизнь Индостана и, сравнивая эту страну с другими, виденными им, он отмечает: „...да Турская земля обильна вельми, в Волоской земли обильно и дешево все с'естное, да Подольская земля обильна всем а Урус'ерье танградынь сакласынь...“ (341) Изливал тверяк свои патриотические чувства—т. е.: сохрани Бог Русскую Землю, она лучше всех земель. И ему горячо захотелось вернуться на родину, но „пути не знаю, иже камо поиду...—езде булга встал... (341) (война началась). Все вздорожало—пол.-трети алтына в день—издерживал на себя наш соотечественники и даже без вина,—как он сам сокрушался—видно его денежные ресурсы подходили к концу. Многочисленное войско султана уже взяло столицу индусов, Биченегирь. Но несмотря на первые успехи и богатство „султана бесерменского“—„война им ся не удала...“ (343). Тут же указывает и причину Афанасий Никитин—все эти „вызыри“—князья мелких владений—готовы всегда были отложиться от ненавистного им поработителя и составляли плохую опору для него в войске. К тому времени, когда был Афанасий Никитин в Индии, власть монголов была более номинальной.

Началась смута после неудачной войны, и Афанасию стало совсем не по себе в чужой земле и скорее захотелось вернуться на родину. Между тем минул еще год,

подходила пятая Пасха, не радостная для благочестивого Афанасия Никитина. „На пятый же Велик День возмыслился на Русь...“ Одна только дорога была на Кольберг, но там еще не утихла война, однако, Афанасий пошел по этому пути, не забывая узнавать про товары: „А с Кольберга поидох на Кулури: „...а в Кулури алмазников триста, обдeldывают крупные алмазы и развозят по всему свету“ (343). „Калики“, „Конаберг“, „Кынаряс“—мелькают остановки на пути к западному побережью Индостана. „Дабиль-же град вельми велик, с'езжаются вся поморья индийская и ефиопская“. Это—последняя прощальная пометка об Индии.

Отсюда Афанасий Никитин сел на корабль, отходящий в Ормузд. Возвращался Афанасий на родину, и радостно ему это сознание, и вместе с тем еще ярче почувствовал он свое одиночество и оторванность от родины: „И ту яз окаянный рабище Афанасие... возмыслихся по вери по христианской... и устремихся умом на Русь и поидох в таву и сговорих о налоне корабленем и от своей головы два золотых до Гурмыза града дати...“ (343). „Идох же в таве по морю месяц, и не видах ничего. На другой же месяц увидех горы ефиопские“... Корабль сбился с пути, зашел к берегам Африки, в Эфиопию. „И ту вси людие вскричаша: олло берьвогодырь—Боже милосердный, зде нам судил погынуги“... (344) и „зло ся не учинило—много роздали брынцу, перцу ефиопам“.

Через 12 дней пришел корабль в Мошката, где Афанасий справил шестую Пасху, последнюю на чужбине. Через 9 дней—в Ормузде и отсуда—сухим путем до памятной Афанасию Алибеговой орды „...А в орде бых десять дни, ано пути нету никуда... (татары воевали с турками) ...и яз из орды... пошел на Арцыцан и Терпизои (Трапезунд, турецкие владения) „...А в Терпизоне же ми много зла учинили, хлам мой весь на гору вознесли и рухлядишко мой поистрясли...“ [334] Обыск учинили его багажу, искали татарских грамот.

Вот уже Афанасий и на Черном море, плывет до «Кафы»—Феодосия, а там и родина близко. Но и тут не все благополучно. Уже 5 дней ехали по морю, вдруг подул встречный ветер, и корабль пошел обратно к Трапезунду; два раза пытались двинуться в море—ветер гнал обратно. Наконец после пятидневной стоянки от'ехали к Кафе.

За 9 дней до «Филиппова заговенья»—5 ноября 1472-го года [354] Афанасий Никитин вступил на материк

Европы, после стольких лет пребывания в чужих краях, после трудного и далекого путешествия; теперь уже родная ему Тверь была не за морями, не за горами. „...Милостию Бога преидох три моря. Первое море Дербеньское, дория Хвалитьская (земля хвалиссов у Каспийск. моря), второе море Индейское — дория Гундустанская, третье море Черное—doria Стембольская...“ (Стамбул). [331].

«Хождение» Афанасия Никитина подошло к концу, и в избытие чувства благодарности за благополучное возвращение, Афанасий обращается с восторженной молитвой к Богу. Вести загись далее наш путешественник счел излишним: Русская Земля хорошо знакома и ему и его соотечественникам-торговцам, о себе же он не находил нужным писать: „...Остальное Бог Творец ведает!“ И это «остальное» приходится узнавать стороной. Его попутчики — русские купцы, шедшие с ним от Крыма, прибыв в Москву, привезли с собой его записки. Сам Афанасий Никитин, доехав до Смоленска, умер там.

Было несколько списков «Хождения», очевидно русские купцы заинтересовались записками Афанасия Никитина и списали для себя. Один из списков и попал к летописцу «Русского Временника», куда тот и поместил их под 1475 годом.

Пробегая теперь мысленно все изложенное у Афанасия Никитина, удивляешься тому разнообразию материала, который он включил в свои записки; ко всему он выказывал интерес. Тут не только торговые сведения, тут и география, и история, и быт и религия и нравы. Его ум не замыкался в узкую сферу своей специальности, его ум обширен и запросы его велики. К тому же сведения, данные Афанасием Никитиным, всегда кратки и точны. Все это является неотъемлемым достоинством «Хождения».

Значение записок еще более усиливается, если принять во внимание, что в них заключаются сведения о давнем прошлом Индии, о стране вообще мало исследованной—ведь только в прошлом столетии немецкие географы начали писать научные исследования об Индии, и затем русский географ Минаев написал свой труд «Старая Индия». И в обоих случаях исследователи пользовались «Хождением» Афанасия Никитина, как ценным источником. (Впервые «Хождение» было напечатано в «Истории Государства Российского» Карамзина). Записки Афанасия Никитина по свидетельству Минаева „не только дополняют, но и исправляют во многом“ за-

писки западно-европейских путешественников в Индии, как напр. Васко-де-Гамы, Бартемы, Ди-Конти. Следовательно, «Хожение» является чрезвычайно ценным вкладом в науку.

Выяснено, что нигде, кроме записок Афанасия Никитина нет сведений о торговле и промышленности Шабайта в средние века — даже название это незнакомо было западным европейцам того времени; не известно было месторождение драгоценностей в Кулури, соли—в Камбаяте.

Сообщения о богатстве монгольского хана и о его прогулках и соотношении окружающих его лиц более точны, по свидетельству Минаева, чем сведения Ферришты, бывшего в той же части Индии. Лишь у одного Афанасия встречаются сведения о налоговой поземельной системе «арка» (напоминающая нашу соху); сведения о крупном экономическом неравенстве классов населения; наконец, сведения о войне Бидарского царя с туземцами. Эти данные помогают уяснить историю падения власти монголов на Индостане. При этом все сообщения нашего соотечественника отличаются полной правдивостью, он не увлекается какими либо легендарными рассказами туземцев о диковинках их страны, как, например, Бартема.

Итак, со стороны содержания записки русского купца, тверяка, Афанасия Никитина отличаются неоспоримыми достоинствами и по значению своему в культурном отношении имеют право быть поставленными на ряду с западно-европейскими источниками об Индии.

Правда, нет в «Хожении» литературной обработки: часто встречаются повторения, отрывочное изложение—но все это вполне понятно, если вспомнить, при каких условиях велась запись — во время переходов из города в город, среди необычной жизни и природы, поражающей внимание, да еще при тягостном душевном состоянии от чувства одиночества и оторванности от родины. Все это, разумеется, не могло благоприятствовать тщательной обработке подневных записей Афанасия Никитина, а тот факт, что запись была ведена именно во время путешествия, доказывается многими выражениями, наприм.: «А яз иду на Русь»... или: «...залгали мене псы бессермена, а *сказывали* всего товару много» — здесь он ярко выражает свое недовольство по поводу неоправдавшихся надежд.

На основании «Хожения» можно отчетливо представить себе и личность самого автора. Первой, бросающейся в глаза чертой его характера, является удивительная скромность и отсутствие самомнения: Афанасий Никитин нигде не говорит о себе, не старается показать себя, наоборот, часто сознается в своей слабости, как, например, относительно религиозности и обрядности; он никогда не относится высокомерно к туземцам, а всегда остается вполне беспристрастным. Второй выдающейся чертой личности Афанасия Никитина является большая любознательность. Она двигает его на далекое и опасное путешествие, она заставляет его проникнуть вглубь незнакомой страны. А тот факт, что он ведет запись всего виденного им, показывает, что он ценил знание, понимал его значение для общества; сам образованный, не расстающийся с книгами и в путешествии, он хочет, чтобы и другие были образованы. Но одной любознательности мало для того, чтобы принять решение, двинуться одному в далекую неведомую землю и обречь себя на всевозможные случайности опасного путешествия и пребывания среди иноземцев к тому же без знания их языка—тут нужна большая предприимчивость и твердость характера. Эта твердость и мужество Афанасия Никитина сказались еще не только в том, что он бодро вынес первые несчастья путешествия (от «Бузан-реки» до Персии включительно), но еще более—в его непоколебимости относительно своих религиозных убеждений, когда два раза принуждали его перейти в веру мусульманскую.

Прибавим еще к этому его гуманность и добродушие, которыми, очевидно, он снискал себе симпатии туземцев до того, что они, нетерпимые к своим соотечественникам, допускали русского человека в свои дома и храмы—прибавим еще его горячую любовь к родине—и перед нами встанет удивительная фигура русского человека XV в.

Личность Афанасия Никитина тем более замечательна, что в его время Русь стояла значительно ниже в культурном отношении по сравнению с западом, дело же и достоинства этого человека могут поспорить с делом и достоинствами самого Васко-де-Гамы и других путешественников Западной Европы. Афанасий Никитин был, видно, один из лучших представителей русского, в частности, тверского общества в то время, когда Тверь знала счастливую пору своего существования, когда Тверь вела бой-

кую торговлю, богателя и когда из среды тверитян могли выходить такие просвещенные, предприимчивые, энергичные и мужественные люди, как Афанасий Никитин.

Итак, отличительные качества «Хожения» Афанасия Никитина, как и черты характера его самого, говорят сами за себя. Разносторонность, точность и новизна сведений записок тверитина и выдающиеся качества его личности дают право поставить его имя на-ряду с именами просвещенных путешественников Западной Европы средних веков. Тверь может гордиться этим именем.

Остается только пожалеть, что Афанасию Никитину не пришлось самому порассказать тверякам обо всем виденном, что не суждено было ему доехать до родного города после всех приключений далекого пути и что могила его не в Твери у «Спаса Златоверхого».

Источниками и пособиями при составлении работы служили:

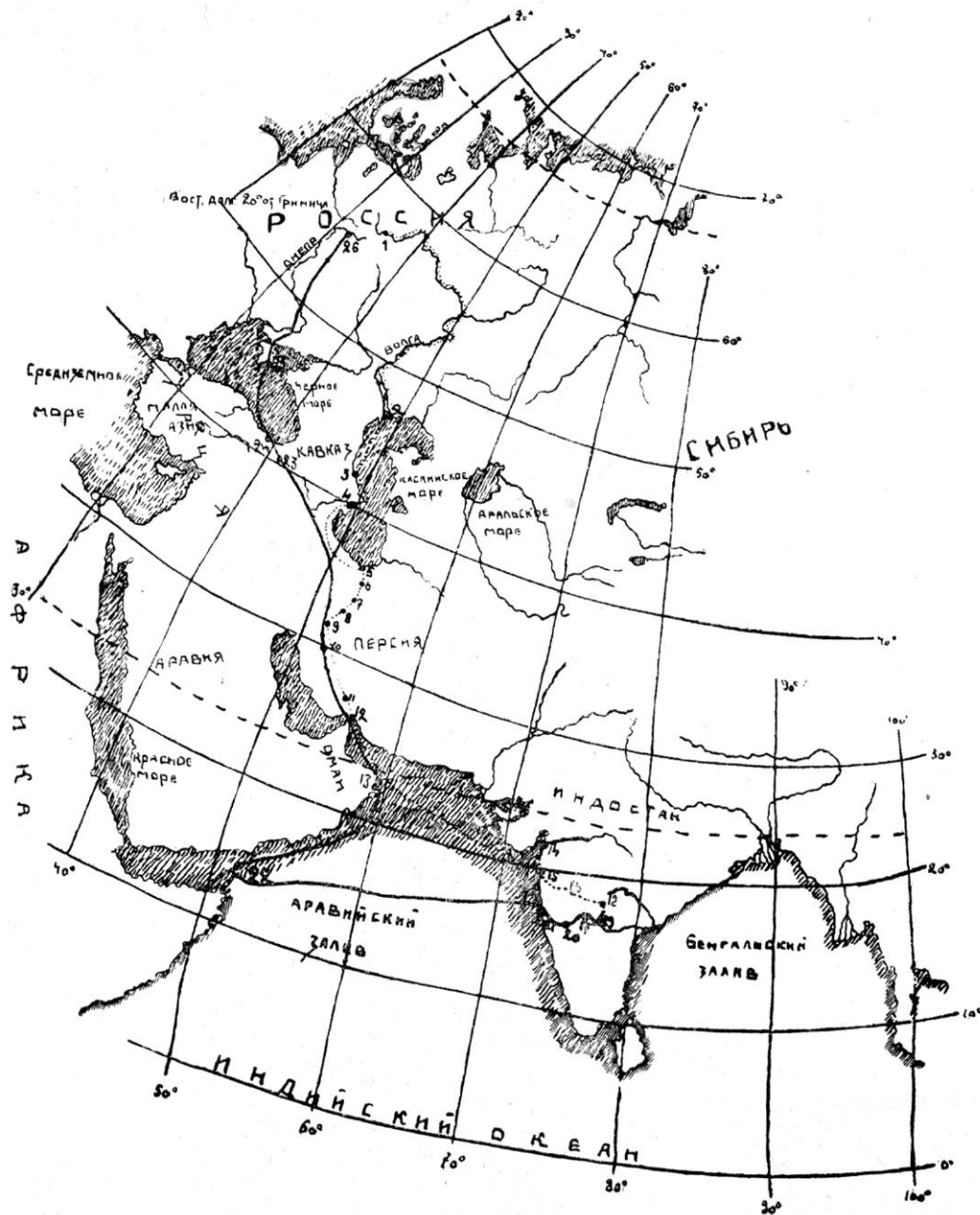
1. «Хожение за три моря Афанасия Никитина» Софийская вторая летопись VI том.
 2. **Серезневский.** „Исследование о хождении за три моря Афанасия Никитина“.—Ученые записки Академии Наук 1856 г. 2-я книга.
 3. **Минаев.** «Старая Индия». Журнал министерства Народного Просвещения 1886 г. июнь, июль.
 4. **Петухов.** „История русской литературы“ С. П. 1916 г.
 5. **Келтуяла.** Курс русской литературы. Часть II С.-П. 1911 г.
-

Карта пути следования Афанасия Никитина в Индию и обратно.

Объяснение обозначений.

1. Тверь.
2. Астрахань.
3. Дербент.
4. Баку.
5. Чебокар.
6. Димовент.
7. Дирей.
8. Кашень.
9. Ездей.
10. Сырчан.
11. Тарома.
12. Ормузд.
13. Москат.
14. Гузерат.
15. Чауль.
16. Чюнерь.
17. Биченегирь.
18. Бедерь.
19. Рачур.
20. Конаберг.
21. Дабиль.
22. Владения эфиопов на берегу Аравии Африки.
23. Арцицан.
24. Трапезунд.
25. Кафа (Феодосия).
26. Смоленск.

Общество Изучения Тверского Края по получении стоимости заказа и пересылки высылает следующие книги:

1. **„Общество Изучения Тверского Края“**, Краткая историческая справка и устав О-ва с приложением сведений о научных о-вах и учреждениях Тверск. губ. Тверь, 1922 г., изд. О-ва, стр. 24+IV цена **75.000 р.**

2. **„Бежецкий Край“**, первый выпуск статей Бежецкого Научного Общества по изучению местного края, Бежецк, 1922 г., стр. 112, . . . цена **500.000 р.**

3. **М. В. Рубцов**, Краткие сведения об основателе Тверского музея Николае Ивановиче Рубцове, Тверь, 1920 г. стр. 16, цена **50.000 р.**

Цены без пересылки на июнь и июль месяцы, а в дальнейшем соответственно курсу рубля.

За справками по Обществу и за изданиями можно обращаться: Тверь, Секретарская у., д. № 32, Секретарь Общества Изучения Тверского Края **Николай Петрович Рогожин**.